

остается сомнений, что и „веща душа“ мы должны переводить как „колдовская душа“.

В самом деле, хотя в „Материалах“ И. И. Срезневского и указаны при слове „вещий“ значения „сведущий“, „мудрый“, „peritus“, однако тут же пояснено: „знающий то, что другим не дано знать, волшебник“. И. И. Срезневский приводит здесь общеизвестный текст из „Повести временных лет“: „Прозваша Олега вещей, бяху бо людие погани и невеголоси“. Уже из одного того, что летописец приписывает прозвание Олега „вещий“ язычеству и невежеству, с несомненностью вытекает, что „вещий“ означает здесь „волхв“, „чародей“, „колдун“. Далее в „Материалах“ приводятся немало прямых доказательств этого. Так: „В ѣ щ а я женка=колдунья, — «того же лета псковичи сожгоша 12 жонке вещей». Псковск П л., 6919 г. — В о л ш е б н ы й... «Хорообрый Пересвет поскакивает на своем вѣщем сивце». Сл. о Задон.“.

Далее значит: „В ѣ щ и ц а — колдунья, тага: «Вещица, аще покается (епитимии) лет ѿ, поклон ф̆». Дуб. Сб. XVI в.“.

К этому можно добавить замечание Афанасьева: „Словенцы и кошубы называют упырей вещими“.¹

По-сербски колдун — „в е ш т а ц а“, колдунья — „в е ш т и ц а“.

* * *

Теперь нам остается, держа критерием все тот же образ колдуна-князя, коснуться спора вокруг того, как надлежит переводить „обѣсися синѣ мъглѣ“. Я перевожу: „повиснул на синем облаке“ или — что то же — „обнял синее облако“. Н. К. Гудзий не отвергает такого прочтения, несмотря на свои резкие замечания в отношении многих мест моего перевода. Напротив, Д. С. Лихачев до сих пор настаивает на другом прочтении, близком к традиционному: „«Синя мгла» — это мгла ночи. «Обеситься» по-древнерусски означает «повиснуть» или «быть обнятым» (в данном месте „Слова“, конечно, последнее значение)“, — пишет Д. С. Лихачев в комментарии своем к изданию „Слова“ в малой серии „Библиотеки поэта“.²

Перевод, на котором мне приходится настаивать, исходит из ниже следующих соображений семантико-лексического и грамматического порядка. „Мъгла=мгла“ здесь употреблено не в смысле мглы=„тумана“, а в значении „облака“. В „Слове“ встречается двойное применение „мглы“. В одном случае это несомненно туман — „мъгла поля покрыла“, в другом же, где речь идет о бегстве Игоря и сказано „полетѣ соколомъ подъ мъглами“, — столь же несомненно значение „под облаками“. Это столь бесспорно, что, кажется, никто от Мушина-Пушкина вплоть до нашего времени иначе и не переводил. У Д. С. Лихачева — также: „полетел соколом под облаками“. Смее утверждать, что и в „обѣсися синѣ мъглѣ“ следует принять именно это значение „мглы“. Для выбора нашего здесь, во-первых, имеет огромное значение следующая лексикографическая справка под словом „мъгла“, приводимая И. И. Срезневским: „Слово м г л а, м ъ г л а, м ѣ г л а не у одних чехославян, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы“.³ Юго-западным славянам слово это так же знакомо, как и се-

¹ А. Н. Афанасьев. Нарские русские сказки, т. V, стр. 206.

² Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, Изд. 3-е, Л., 1953, стр. 269.

³ И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Мгла“.